



Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

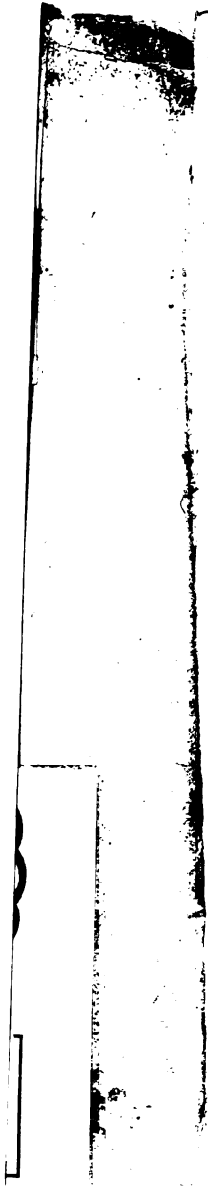
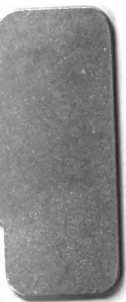
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.



15195

КАЛЪЯНЪ.



А. ПОЛЕЖАЕВ

КАЛЪЯНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ПОЛЕЖАЕВА.

1577/45.



МОСКВА,

**ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.**

1833



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чѣмъ по отпечатаніи предпа-
влены были въ Цензурный Комитетъ три
экземпляра. Москва, Сентября 29 дня 1833
года.

*Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ Иванъ
Снегиревъ.*



ОГЛАВЛЕНИЕ.

| | Стран. |
|--|--------|
| Кладбище Герменчугское..... | 5 |
| Троянки, Каппана..... | 23 |
| Видѣніе Брупа..... | 39 |
| Бонапарте..... | 49 |
| Демонъ вдохновенія..... | 63 |
| Цыганка..... | 73 |
| Раскаяніе..... | 77 |
| Лунный свѣтъ..... | 83 |
| Сонъ дѣвушки..... | 87 |
| Ахалукъ..... | 93 |
| Призваніе..... | 97 |
| Снедь..... | 101 |
| Окно..... | 107 |
| Пѣснь горскаго ополченія..... | 113 |
| Отрывокъ въ посланія къ А. П. Л.....у... | 117 |
| Иванъ Великій..... | 123 |



**КЛАДБИЩЕ
ГЕРМЕНЧУГСКОЕ.**

Въ послѣдній разъ румяный день
Мелькнулъ за дальними лѣсами,
И ночи пасмурная тѣнь
Слилась уныло съ небесами.
Все тихо, мертво,—все гласитъ
Въ природѣ часъ успокоенья....
И онъ наспалъ : не воскреситъ
Ничто минувшаго мновенья.
Оно прошло , его ужъ нѣтъ
Для добродѣтели и злобы !

Пройдутъ миллионы новыхъ лѣтъ,
 И съ каждымъ упромъ новый свѣтъ
 Увидите поже : жизнь и гробы !
 Одинъ мудрецъ, въ кругу людей,
 Уму свободному послушный,
 Всегда покойный, равнодушный—
 Среди волненій и спраспей,
 Живетъ въ покоѣ безмятежномъ
 Высокимъ чувствомъ бытія :
 Въ грозѣ, въ несчастіи неизбѣжномъ,
 Въ завидной долѣ, запая
 Самолюбивое мечтанье,
 Онъ, какъ безплотное созданье ,
 Себѣ правдивый судія.
 Въ предѣлахъ нравственнаго міра,
 Свѣршая тихій періодъ,
 Какъ Скальда сѣвернаго лира ,
 Онъ звукъ согласный издаетъ,
 Журчитъ и льется непрерывно,
 И исчезаетъ въ тишинѣ,

Какъ ароматъ Востока дивной

Въ необозримой вышинѣ.

Цари, герои, рабъ убогой ,

Одинъ готовъ для васъ удѣлъ!

Цвѣтущей, пѣсною дорогой

Кто миновать его умѣлъ?

Какъ много зла и вѣроломства

Земля могучая взяла !

Хранишь правдивое попомство

Однѣ лишь добрыя дѣла!

Не вы ли , дикія могилы,

Оспанки жалкой суепы ,

Повергли въ грустные мечты

Мой духъ угрюмый и унылый!

Что значашъ длинные ряды

Высокихъ камней и кургановъ,

Въ часы полуночи нѣмой

Стоящихъ мрачно предо мной

Въ сырой обители тумановъ?

Зачѣмъ чугунное ядро ,

Убійца Карла и Моро,
 Лежипъ во прахъ съ пирамидой
 Надъ гробомъ юной дѣвы горь?
 Ея давно потухшій взоръ
 Не оскорбился сей обидой!
 Кто въ свѣжій памятникъ бойца
 Направилъ ужасы каршечи?
 Не опиврацалъ онъ въ вихрь съчи
 Опъ смерпи грознаго лица.
 И ктобъ онъ ни былъ — воинъ чеспи,
 Или презрѣнный изъ враговъ,
 Надъ царствомъ мрака и гробовъ
 Равно ничтожно право мести !!!

Сверкаетъ полная луна
 Изъ тучъ багровыми лучами
 Я зрю — вокругъ обагрена
 Земля кровавыми ручьями.
 Вотъ трупъ холодный... вотъ другой
 На рубежъ своей опчизны.

Здѣсь — обезглавленный, нагой;
 Тамъ — безъ руки спрадалецъ жизни;
 Тамъ гряда пѣль.... Кладбище, ровъ,
 Мечепи, сакли—все облипо
 Живою кровью; все разбило
 Перуномъ тысячи громовъ....
 Гдѣ я? Зачѣмъ воображенья
 Неограниченный полетъ
 Въ мѣста ужаснаго видѣнья
 Меня насильственно влечетъ?
 Я очарованъ!... сонъ превожный
 Играетъ мрачною душой!...
 Но пуля свищетъ надо мной!...
 Злодѣи близко....ужась ложный
 Съ чела горячаго исчезъ...
 Объятый гореспною думой,
 Смотрю разсыянно на лѣсъ,
 Гдѣ врагъ свирѣпый и угрюмой,
 Сминивъ покой на заговоръ,
 Таитъ свой немощный позоръ.

Смотрю на жалкую ограду
 Неукропимыхъ бѣглецовъ,
 На ихъ мгновенную отраду
 Отъ изыскательныхъ шпыковъ,
 На Русской спань ; воспоминаю
 Минувшей битвы гулъ и звукъ ,
 И съ удивленіемъ мечтаю:
 О воинъ горь, о Герменчугъ !
 Давно ли пышный и огромной,
 Среди завистливыхъ враговъ,
 Ты процвѣталъ, подъ тѣнью скромной
 Очаровательныхъ садовъ ?
 Рука, рѣшительница боевъ,
 Неопразимая въ воинъ ,
 Тебя ласкала въ пышинѣ
 Съ великодушіемъ героевъ ;
 Но ты, въ безумствѣ роковомъ,
 Возсталъ подъ знаменемъ гордыни —
 И предъ карающимъ мечемъ
 Склонились дерзкія швердины!...

Покровъ упалъ съ пьвокъ очей,
 Открыта бездна заблуждений!
 Смори , сквозь зарево огней,
 Сквозь черный дымъ пьвокъ селеній —
 На плодъ коварства и измѣнъ !
 Не ты ли, яроспный, у спѣнъ ,
 Передъ рѣшительною битвой,
 Клялся вечернею молитвой
 Разсѣять сонмы Христіанъ ,
 И беззащитному семейству
 Передавалъ въ урокъ злодѣйству
 Свой утѣшительный обманъ?
 Ты ждалъ громоваго удара,
 Ты вызывалъ твою судьбу—
 И пепелъ грознаго-пожара
 Рѣшилъ неровную борьбу!...
 Иди теперь, иди къ несчастнымъ :
 Разсѣй ихъ робость и цоску,
 И мсти отчаяннѣе ужаснымъ
 Непобѣдимому врагу!

И спросятъ жены, спросятъ дѣли

Тебя съ волненіемъ живымъ:

»Гдѣ наши сакли, гдѣ мечепи?

»Веди насъ къ милымъ и роднымъ!

И ты отвѣпишь имъ:» Родные,

»Лежатъ, убитые, въ пыли,

»А ихъ доспѣхи боевые

»На вояхъ вражеской земли!

»Удѣлъ младенца безъ покровъ —

»Дѣлишь спраданье маперей;

»Приюстъ нашъ: темная дуброва;

»Замѣна братьевъ и друзей

»Толпа голодная звѣрей!

И заглушитъ тогда стечанье

Жестокосердыя слова,

И упадетъ на грудь въ молчаньи

Твоя пресупная глава!

И, движимъ грустію мятежной,

На мигъ чувствительный опецъ —

Ты будешь рѣчью безнадежной

Тушить съ заботливостью нѣжной
Боязнъ неопытныхъ сердець !
То снова пылъ ожесточенья
Въ душѣ суровой закипитъ,
И надъ главою ополченья
Свинецъ разбойничьяго мщенья
Изъ за кургана просвиспитъ! ...
А грозный спанъ, необозримый ,
Терясь въ спавкахъ и шапрахъ
Споитъ покойный , недвижимый,
Какъ исполинъ, на двухъ рѣкахъ.
Великій духомъ и дѣлами,
Фіаль щедроты и смертей ,
Притекъ онъ съ Русскими орлами
Возстѣловитъ права людей,
Права людей — права закона,
Въ глухой, далекой споронѣ ,
Гдѣ звѣзды Сѣвернаго Трона
Горятъ въ туманной вышинѣ!
Его вожди. . . Скрижали чести

Давно хранящъ ихъ имена!
 Труба презрительная лести.
 Не пробуждаетъ времена ;
 Но голосъ славы, племена :
 Опважнѣй Галль, Османъ надменный ,
 Поклонникъ ревностный Али,
 Кавказъ, Сармащъ ожесточенный
 Имъ приговоръ произнесли!....
 Онъ свящъ!... Языкъ врага опчищъ
 Свободенъ, смѣтъ, краснорѣчивъ:
 И славный Поръ , безъ укоризны
 Былъ къ Александру справедливъ !..

Вошъ эти славныя дружины,
 Пишомцы брани и побѣдъ!
 Гдѣ солнце льетъ печальный свѣтъ,
 Гдѣ бездны, горы и степнины,
 Гдѣ боязливая нога
 Едва спускаетъ съ изумленьемъ ,

Бездѣ съ крылатымъ ополченьемъ
 Слѣды граженнаго шпыка!...
 И Герменчугъ!... народъ жестокой,
 Народъ, свой пагубный пирань,
 Когда предъ истиной высокой
 Исчезнеть жалкій твоя обманъ?
 Когда признапельныя очи,
 Обмывъ горячею слезой,
 Ты дружбу сына полуночи
 Оцѣнишь гордою душой?....

Покойно все. Между шаптрами
 Кой-гдѣ мелькають огоньки;
 Съ ружьемъ и пикой за плечами
 Кой-гдѣ несутся казаки;
 Разводятъ цѣпи и папрули,
 Смыняютъ бодрыхъ часовыхъ,
 И визгъ измѣннической пули
 Вдали таинственной запишетъ!...

И, вновь объятый пишиною,
 Подъ кровомъ ночи дремлетъ спанъ,
 Пока съ грядущею зарею,
 Огрянетъ съ пушкой въсповою
 Въ горахъ окреспныхъ барабанъ ;
 Зажжется яркая денница
 На склонъ насмурныхъ небесъ ;
 Пробудитъ упренная пища
 Веселымъ пѣньемъ сонный лѣсъ,
 Обвѣстъ духъ опрадной жизни
 Могучій сонмъ богатырей,
 И дикій видъ чужой опчизны
 Предспанетъ въ блескъ для очей!
 О, сколько бурныхъ впечатлѣній,
 На полъ брани роковой,
 Проснутся въ памяти живой
 Побѣдоносныхъ ополченій!
 Минувшій день, минувшій громъ,
 Раскапы пушечнаго гула,
 Карпины гибели Аула,

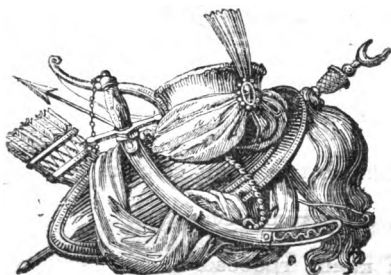
Пальба и съча, прахъ сиполпомъ,
 И визгъ, и грохошъ, и моленье,
 И саблей звукъ, и ружей блескъ,
 Бойницъ , заваловъ , саклей прескъ—
 Все воскреситъ воображенъе !...
 Вотъ снова царствуетъ, кипитъ
 Оно въ кругу знакомой сферы....
 Ура отважное гремитъ !
 Бѣгутъ на приспугъ гренадеры,
 Долины мирныя Москвы
 Давно забывшіе для славы ;
 Они безспрашно въ бой кровавый
 Несутъ отважныя главы!
 На ровъ , на валъ , на яростъ встрѣчи ,
 Подъ вихремъ огненныхъ дождей ,
 На пули, шашки и карпечи
 Лешащъ по манію вождей.
 Ни крикъ, ни вопли, ни спенанье ,
 Ничто опдѣльно не гремитъ ,
 Одно пропѣжное жужжанье ,

Разлившись въ воздухъ , гудитъ .
 Окопы сбины . . . врагъ препещетъ !
 Сбираетъ силы , грянулъ вновь ,
 Бѣжитъ , разсѣлся — и хлещетъ
 Ручьями варварская кровь . . .
 Повсюду смерть , гроза и мщеніе !
 Пируютъ буйные шпыки ,
 Вездѣ разносятъ испребленье
 Неотразимые поджи !
 Тамъ егеръ , старый бичъ Кавказа ,
 Припекъ опъ Кура на Аргунъ
 Мешаетъ свой гибельный перунъ ;
 А шамъ лепучая зараза ,
 Неумолимый Карабахъ ,
 Съ кривою саблею въ рукахъ ,
 Какъ черный духъ , мелькаетъ , рубитъ
 Ожесточеннаго бойца
 И опрокинутого губитъ
 Спальнымъ копыпомъ жеребца ! . . .
 Куртинъ , Казакъ и Персіанинъ ,

Свирѣтый Турокъ, Христіанинъ,
 Пришельцы дальней спороны,
 Краса Грузинскихъ легионовъ —
 Все пало пучею драконовъ
 На чадъ разбоя и войны! ...
 И все утихло : гласъ молитвы
 Въ дыму, надъ грудой братнихъ тѣлъ
 И шумъ и спомъ и грохотъ битвы! ...
 Оспалась память славныхъ дѣлъ !

Одинъ подъ ризою ночною ,
 Въ шуманъ влажномъ и сыромъ ,
 Съ моею подругою мечтою,
 Сижу на камнѣ гробовомъ.
 Не крестъ—символъ души скорбящей
 Спонитъ надъ чуждымъ мертвецомъ :
 Онъ славенъ гибельнымъ мечемъ ,
 А мечъ — символъ его грозящій! ...
 Быть можетъ, пѣнь его паритъ ,

Облекшись въ бурю, надо мною,
И невидимою рукою
Пришельцу дерзкому грозить....
Быть можетъ въ бытѣ оживляла
Она опчизны бранный духъ,
И снова къ месѣ призывала
Сокрытый въ пеплѣ Герменчугъ.



ТРОЯНКИ,

КАНТАТА.

(Изъ Делавина).

Ἀλλ' ὦ τῶν χαλκευχεων Τρωων
Ἀλοχοι μελσαι,
Και κουραι και δυσνυμφοί,
Τυφεται Ἰλιον. Αἰαζωμεν.

Θερυνιμα.

Троянки плѣнныя на брегѣ Симона ,
Спрадальческой толпой ,
Вспоминали дни безпечности святой ,
Которые для нихъ такъ быспро пронеслися.

Съ слезами на очахъ ,
Съ челомъ , увядшимъ опъ печали ,
Онѣ на Иліонъ разрушенный взирали,
И грусть ихъ излилась въ унылыхъ голо-
сахъ.

Х о р ъ.

Ошечество рабовъ , погибная держава,
Исчезъ пвой блескъ , померкла слава..

Т р о я н к а.

Царей сосѣдственныхъ надежда и оплотъ ,
Какъ часто Иліонъ былъ вѣрной ихъ защитой!
Безчисленный народъ ,
Какъ волны, наполнялъ сей городъ знаменитый;
Полетъ губительный вѣковъ
Коснулись не дерзалъ его огромныхъ башень ;
Возникшій изъ земли вѣнчанъ боговъ
Верхами храмовъ и дворцовъ
Касался онъ , какъ полубогъ беспра-
шенъ ,
Обитали своихъ божесипвенныхъ Творцовъ.

Д р у г а я

И пятьдесятъ сыновъ , честь Трои ,
Сидѣли на пиру у добраго отца ,

И старецъ наливаль веселіе въ сердца ,
 И вѣрилъ въ счастье земное ,
 Не видя счастья конца !

Д р у г а я .

Надежда царственнаго дома,
 О Гекторъ , ты приѣмешь щипъ ,
 Жельзомъ грудь твоя блеснишь ,
 Перо съ тяжелаго шелома
 Чело высокое сѣнишь.
 Передъ Гекубой усипрашенной
 На играхъ мечъ твой засверкалъ ,
 И лавръ побѣдный увѣнчалъ
 Твою главу, непобѣжденной .
 Прими Гекуба сей вѣнокъ ,
 Надежды радостной залогъ ,
 Изъ рукъ любимаго Героя . . .
 Увы ! преступный сынъ и братъ
 Вновь обнажатъ его булаву
 Но игры грозныя тогда увидишь Троя !!!

Ю н а я Д ѣ в а .

Такъ Поликсена молодымъ

Своимъ подругамъ говорила :

Для насъ весна подъ небомъ голубымъ

Благоуханіе разлила ;

Для насъ и игры и цвѣшны.

Увы ! она не говорила :

На этихъ берегахъ , гдѣ въ блескѣ красопы

Цвѣшу я жизнью безмятежной,

Оплачущъ жребій мой, жестокій, неизбѣжный!

Своимъ подругамъ никогда

Она не говорила :

Я кровью орошу прекрасныя мѣста ,

Гдѣ съ вами игры я дѣлала ,

Среди несорванныхъ цвѣшковъ

Мнѣ гробъ безвременный готовъ !

Х о р ъ .

Ошечество рабовъ, погибаяя держава,

Исчезъ твой блескъ , померкла слава.

Т р о я н к а .

Что за корабль на бѣлыхъ парусахъ
Скользиль по влагѣ моря сонной ,
Его, какъ будто , на крылахъ
Амуръ летѣлъ благосклонной .

ДРУГАЯ.

Онъ въ наши спѣны мчпть раздоръ ,
 Убійство , гибель и позоръ !
 О Богъ морей , Непсунъ , опмсти прелю-
 бодѣю ,
 Властительный Зевесъ ,
 Сошли пвой лрый громъ и молнію съ небесъ .
 На встрѣчу хищнику , злодѣю !

Троянка.

Но нѣтъ , труба звучишь ,
Желѣзо засверкало ,

Трещать скалы , упалъ разрушенный гранитъ ,
 Кровь льётся , пуча стрѣлы и копій за-
 свистала .

Тамъ колесница , тамъ боецъ
 Встрѣчаютъ въ тѣснощъ свой жалостный ко-
 нецъ ,

И смерть запировала ! !!

Ужасный видъ :

Гроза въ бояхъ ,

Ахиллъ лепить —

И всё во прахъ !

Предъ нимъ боязнь ,

За нимъ во слѣдъ

Позоръ и казнь ,

И море бѣдъ .

Внезапный страхъ

У всѣхъ въ очахъ ;

На полъ брани ,

Съ мечемъ во длани ,
 Споймъ одинъ ,
 Противъ Зевеса
 И Ахиллеса .
 Приамовъ сынъ !!

Д р у г а я

Несчастныя Троянки ,
 Омойте чистюю водою
 Его священные останки.

Паль Гекторъ , палъ герой ! . . .

Гдѣ амбра , ароматы , масленики и куренья ?
 Пущь , вокругъ его костра , гремишь вашь
 жалкій спонъ ,

Сливаясь съ тѣсною живаго сожалѣнья ! . . .

Трояне, войны, ужъ нѣтъ его ! . . . Вотъ онъ ! . . .

Кропие жаркими слезами

Прахъ сына славы и побѣдъ ! . . .

Вънчайте , дѣвы , гробъ великаго цвѣтами

Приамъ идешь за сыномъ вслѣдъ .

ХОРЪ.

Вънчайше, дѣвы, гробъ великаго цвѣтами
 Пріамъ идесть за сыномъ вслѣдъ

ТРОЯНКА.

Ты спишь, о Иліонъ, и съ радостью же-
 спокой

Ликуешь Пирръ въ пвонхъ спѣнахъ ;
 Какъ тигры алчные въ глуши далекой,
 Повсюду нанося опчаянье и страхъ,
 Свирѣпспвуютъ сыны поржественной Элла-
 ды.

ДРУГАЯ.

Разгонишь въспрь ночную тѣнь,
 Аргось освѣпишь ясный день !
 Но — Трою мрачный, безъ оспрады !

Т р о я н к а.

О , ночь ужасная, коварный сонъ !
 Зачѣмъ вокругъ меня мелькають привидѣнья !
 Откуда пусклый блескъ, и звѣрской вопль, и
 спонь !

Какъ бѣдственна минула пробужденья!...

Ю н а я Т р о я н к а.

Мой братъ Спелломъ умерщвленъ.

Д р у г а я.

Сестра моя въ огнѣ Аяксовыхъ объятій.

Д р у г а я.

Къ Улассовымъ спопамъ отецъ мой низложенъ.

Т р о я н к а.

О , день позора , день проклятій !
 Дворцы разграблены, святыня сожжена

Младенцы , сестры , дѣвы , жены
 Подъ мечъ иль въ плѣнь безъ обороны...
 Одна могила всѣмъ гражданамъ суждена!...

Д р у г а я

Проспите вы , поля родныя Трои ,
 Угасшій родъ Царей , погибшіе герои ,
 Свяшой опчизны красота ,
 И Ида съ пышными холмами
 И солнце свѣтлое съ родными небесами ,
 Проспите на всегда !...

Т р о я н к а .

Лѣсовъ и враковъ грозный жителецъ ,
 Тигръ алчный къ пой долинь подойдетъ ,
 Гдѣ нѣкогда правой свѣтлыня зароснетъ ,
 И осквернить его приходъ
 Боговъ спаринную обитель.

Д Р У Г А Я

И паспырь Иды молчаливъ ,
 Въ развалинахъ священныхъ ,
 Подъ тѣнью лавровъ и оливъ ,
 Троянской кровью обогренныхъ ,
 Гдѣ спонетъ въ сонмѣ убіенныхъ
 Приама—мученика тѣнь ,
 Придетъ искашь слѣдовъ разрушенной Державы,
 Гробницы Гектора ; а надъ могилой славы
 Играетъ между тѣмъ блуждающій елень.

Д Р У Г А Я

А мы , несчастные останки разрушенья ,
 Въ слезахъ пройдетъ нашъ грустный вѣкъ ,
 Волной обиды и презрѣнья
 Насъ море выброситъ на чужеземный брегъ.

Д Р У Г А Я .

Узримъ пиры враговъ ; съ мучительнымъ по-
зоромъ

Мы утоповимъ имъ сполю.

Укажущъ жены ихъ съ улыбкой и укоромъ

На наши робкія , покорныя главы ;

И въ чашахъ золотыхъ , въ которыхъ наши
дѣды

Пивали нѣкогда за вольность и любовь,

Мы будемъ подносить для наглой ихъ бесѣды

Вино , развращъ и нашу кровь.

Т Р О Я Н К А .

Воспойте Иліонъ , отверженный богами ,

Воспойте, скажущъ намъ, ничпожные рабы!

Пусть гимны Трои между нами

Гудятъ въ волнѣи Судьбы!

О дѣла Иліона ;

Послушай плачь, — а гимнь неволи роковой
 Не огласить спраны чужой.

Х о р ь.

Проспитежь вы, поля родныя Трои,
 Угасшій родъ Царей, погибшіе герои,
 Святой опчизны красота,
 И Ида съ пышными холмами,
 И солнце свѣпное съ родными небесами
 Простите на всегда!!



ВИДѢНІЕ БРУТА.

Слетѣла ночь въ красѣ печальной
На Филиппинскія поля ,
Послѣдній лучъ зари прощальной
Впила холодная земля.
Между враждебными шаптрами
Народа славы и войны
Туманъ сгущенными волнами
Разнесъ отпращу пишины.
Тревоги ратной гуль мятежной ,
Спукъ копій , броней и мечей

Умолкъ ; кой-гдѣ вдали безбрежной
 Мелькаеиъ зарево огней ;
 Протѣжно споней конскій попоиъ,
 И, замирая въ тѣмѣ ночной ,
 Сливаєиъ эхо звучный роиоиъ
 Съ оиъзывомъ спиражи боевой ! . .
 И тихо все ; — судьба вселенной
 Погружена въ глубокий сонъ ,
 Одинъ булаиъ окровавленный
 Преднишеиъ съ упромъ ей законъ.
 Но чей булаиъ окровавленный ?
 Свяиъиъ зашпииниъ вольныхъ спранъ ,
 Или поносный и презранный
 Булаиъ убийца согражданъ ?
 Погибнеиъ сонмъ Триумвирата ,
 Или презрѣвши долгъ и честь ,
 Гоповииъ Римлянинъ для брата
 Позоръ и Цезарскую месть ? . . .
 Все спииъ. Ужасная минуиъ !
 Ужель зловѣиъиъ , тяжкой сонъ

Смыкаешь также очи Брупа ?
 Ужель не бодрствуешь и онъ ?
 О нѣшь , волнуясь жаждой боя ,
 Въ его груди пылаешь кровь ,
 Въ его груди , въ душѣ героя
 Горить къ Опечесиву любовь ! . . .
 Во тьмѣ полуночи глубокой
 Угрюмъ , задумчивъ и унылъ
 Подъ кровомъ спавки одинокой,
 Онъ безоправданно опочилъ.
 И сна вопще искали вѣжды,
 Предчувствій горесныхъ толпа ,
 И опдаленныя надежды ,
 И своенравная судьба
 Его насильственно терзали ;
 Онъ ждалъ , — онъ видѣлъ море бѣдъ,
 За думой черной налепали
 Другія черныя во слѣдъ.
 То жертва сильныхъ впечатлѣній ,
 Въ волненьи памяти живой,

Онъ воскрешалъ угасшій геній ,
 Судьбу страны своей родной ;
 Онъ пробѣгалъ каршины славы ,
 Тѣ достопамятные дни ,
 Когда Римъ гордый, величавый
 Былъ удивленіемъ земли ;
 Когда Камиллы , Сципіоны
 Дробили въ гнѣвъ роковымъ
 Соспавы Царствъ , крушили Троны
 Народной вольности мечемъ ;
 Когда рождались для попомства
 Сцеволы , Регуль , Цинциннапъ ;
 Когда былъ Римъ безъ вѣроломства
 Свободной бѣдностью богатъ ! . . .
 То снова въ вихрь переворотовъ ,
 Проникнувъ съ тайною тоской ,
 Онъ видѣлъ гибель Папріоновъ
 Надъ ихъ пошупленной главой.
 Раздоры Марія и Силлы ,
 Какъ бурный нравственный попопъ ,

Разрушивъ щипъ народной силы ,
 Повергли Римъ въ кровавый гробъ ;
 Два солнца Рима , два злодѣя
 Въ крови опчизны возросли —
 Помпей и Цесарь ! . . . прахъ Помпея
 Съ гражданской жизнью погребли . . .
 Лепидъ , Октавій , Маркъ - Антоній .
 Судьбы заушро изрекутъ :
 Или владычество на проиѣ
 Или свободный Римъ и Брутъ .

— Глава , десница заговора ,
 Я первый вольность пробудилъ ,
 Я первый геніа раздора ,
 Завоевателя Босфора ,
 Отца и друга умертвилъ ! . . .
 Ничпожнѣй , робкій сонмъ Сенапа
 Моей надеждѣ измѣнилъ ,
 И предъ мечемъ Триумвирата
 Колѣна рабства преклонилъ ! . . .

Позоръ мужей , позоръ вселенной ,
 Тебя проклятіе вѣковъ
 Носпигнетъ пѣвнью раздраженной
 Въ предѣлахъ смерти , въ пѣтѣ гробовъ !
 Звучать , о Римъ , твои оковы !
 Безгласенъ доблестный народъ !
 Но Римъ , опустивъ гоповы !
 Тарквиній , часъ твой настаесть !
 Ударитъ онъ , сей вѣспникъ казни ,
 Его злобѣщій , грозный бой
 Огрянетъ съ ужасомъ боязни
 Въ сердцахъ отваги роковой ! . . .
 Последний разъ поля опичизны
 Я попоплю въ крови родной ,
 И кликъ безумной укоризны ,
 Иль голосъ славы вѣковой
 Предаситъ пошомкамъ дальнимъ повѣсиль
 О битвѣ будущаго дня ,
 И пощадитъ , быль можетъ , совѣсиль
 Убійцы друга и Царя ! —

Такъ вождь свободныхъ ополченій
 Мечталъ въ порывѣ бурныхъ думъ,
 Такъ заглушалъ змѣю мученій,
 Тоску души — высокій умъ! . . .
 Густѣетъ ночь ; — между шатрами
 Молчанье мертвое и сонъ ;
 Луна закрыта облаками ;
 Герой въ забвеньѣ погруженъ ;
 Онъ жаждетъ сна , — смыкаетъ очи ;
 Но вдругъ глухой , пропальный гулъ ,
 Въ священномъ царствѣ полночи,
 Какъ вихорь , сжавку размахнулъ.
 Колосъ огромнаго призрака
 Изъ лучи воздуха распетъ ,
 И въ ризѣ ужаса и мрака
 Очамъ героя предъстаетъ ! . . .
 Безстрашный видитъ и трепещетъ :
 Предъ нимъ убійственный кинжалъ
 Извлекъ его . . . оптимистъ блещетъ ,
 Шатеръ раздался , духъ пропалъ ! . . .

»Такъ я узналъ...мой злобный геній!...
 Онъ все рѣшилъ, онъ все сказалъ!...
 Конецъ несчастныхъ покушеній!!

День битвы пагубной насталъ.
 Шумящъ знамена бранной чести,
 Триумвирапъ не побѣдимъ,
 И сынъ отваги, воинъ мести
 Свободный палъ за падшій Римъ.



БОНАПАРТЕ.

(Изъ Ламартина).

Есть дикая скала на лонѣ океана,
Съ крутыхъ ея береговъ, подъ ризою тумана,
Привѣтствуетъ тебя, задумчивый пловецъ,
Гробница мрачная, обмытая волнами,
Вблизи ея лежатъ обросшіе цвѣтами,
Разбитый скипетръ и вѣнецъ !...

Кто здѣсь ? нѣтъ имени! спросите у вселен-
ной!

То имя начерпалъ булатъ окровавленной

Отъ Скиѣскаго шатра до Нильскихъ бере-
говъ ,
На бронзѣ , на груди бойцевъ ожесточенныхъ ,
Въ народныхъ племенахъ , въ мильонахъ изу-
мленныхъ ,
Предъ нимъ склонявшихся рабовъ .

Два имени вѣкамъ передавы вѣками ;
Но никогда , ничье громовыми крылами
Не разсѣкало міръ съ подобной быспропой !
Нигдѣ , ничья нога сильнѣе не врѣзала
Слѣдовъ въ лице земли , и грозную сковала
Судьба надъ дикою скалой! . .

Вопль , здѣсь его дитя шагами измѣряетъ ;
Враждебная пята гробницу попираетъ ;
Громовое чело обьяпо пишиной ;
Надъ нимъ въ вечерней мглѣ жужжитъ комаръ
ничпожный ,

И пѣнь его одинъ внимаешь гулъ тревожный
Волны лепящей за волной.

И миръ тебѣ , о прахъ великаго Героя ,
Ты цѣль и невредимъ въ обители покоя !
Гласъ лиры никогда гробовъ не возмущалъ ,
Всегда таила смертьъ убожище для славы ,
Ничто не оскорбитъ удѣлъ твой величавый :
Тебѣ потомство прибуналъ ! . .

Твой гробъ и колыбель сокрыты въ мги пуга-
мана ;

Но ты , какъ молнія , возникъ изъ урагана ,
И безымянный мужъ вселенную сразилъ .

Такъ шочно славный Нилъ , подъ Мемфисомъ
глубокій ,

Въ Мемноновыхъ спелехъ спрунись свои по-
поки

Еще безъ памяти , безъ силъ .

Упали алтари , разрушился проны ,
 Ты міру даровалъ победы и законы ;
 Ты славой нареченъ надъ вольностью Царемъ ,
 И вѣкъ , ужасный вѣкъ , кошорый меспью
 грянуль

На царства и боговъ , передъ тобой отпря-
 нуль

На шагъ , въ безмолвыи роковомъ.

Ты грознаго числа враговъ не устрашался ;
 Ты съ призракомъ , вторый Израиль , состя-
 зался ,

И призракъ изнемогъ подъ тяжеспью пвоей ;
 Возвышенныхъ именъ могучій осквернитель ,
 Ты съ слабостью игралъ , какъ демонъ собла-
 знитель

Играешь съ чашей алтарей.

Такъ, если старый вѣкъ , при факелѣ могиль-
номъ ,

Терзаешь , рвешь себя въ опчаяныи безсилъ-
номъ ,

Издавши вольный кликъ , въ заржавленныхъ
цѣпяхъ ;

То вдругъ , изъ подъ земли , Герой неблаго-
дарный ,

Всплаетъ , разитъ его — и ложь , какъ сонъ
коварный ,

Падетъ предъ истиной во прахъ !

Свобода , слава , честь — мечты очарованья —

Гремли для тебя , какъ бранныя воззванья ,

Какъ опзывъ роковой воинственной трубы ,

И слухъ пвой , языкомъ невнятнымъ пора-
женной ,

Внималъ лишь одному волненію Вселенной

И воплю смерти и борьбы ! . . .

И чуждый правъ людей , надменный , велича-
вый

У міра одного ты пребоваъ : Державы!

Ты шелъ . . . и предъ побой вездъ раждался
пушь ,

И лавры на скалахъ пуспынныхъ зеленѣли !

Такъ мыпкая сырѣла лепишь до вѣрной цѣли ,
Хошябъ сквозь дружескую грудь.

И никогда фіалъ минушнаго безумѣя ,

Съ чела не разгонялъ державнаго раздумѣя ;

Ты пурпура искалъ не въ чашѣ золопой ;

Какъ воинъ на часахъ , утрюмый и безсонный

Ни вздоха , ни слезы , ни ласки благосклонной

Ты не дарилъ красъ молодой.

Войну , тревогу , спонъ лучи зари багровой

На копляхъ и мечахъ любилъ пвой духъ суро-
вой ,

И только одного поварища въ бояхъ
 Лелѣла твоя десница громовая ,
 Когда , широкій хвостъ и гриву воздымая ,
 Онъ билъ копытомъ спаль и прахъ.

Неравный никому гордыней равнодушной ,
 Ты палъ безъ ропота, судьбѣ твоей послуш-
 ной ,
 Ты мыслить... и презрѣлъ и зависть и любовь!
 Какъ царственный орелъ, могучій сынъ ээира,
 Одинъ , всевидящій — ты взоръ имѣлъ для
 міра,

И этакъ взоръ былъ : смерть и кровь!

Внезапно овладѣть побѣдной колесницей ;
 Вселенную потрясти могущею десницей ;
 Попасть одной ногой Трибуновъ и Царей;
 Сковать ярмо любви — изъ зависти коварной —

Заставить препешать народъ неблагодарный,
Освобожденный опъ цѣпей!

Быть вѣка своего и мыслію и жизнью ,
Княжали припупишь, разсѣяшь бунтъ въ оп-
чизнѣ ,
Разрушишь и создашь всемірные столпы ,
Подъ заревомъ громовъ, надежды неизмѣнной
Оспоришь у боговъ владычество Вселенной. . .
О Соня ! . . . О дивныя судьбы ! . . .

Ты палъ однако, палъ — на пиршествѣ великомъ,
И плащъ власпишельный пы на утешъ дикомъ
Увидѣлъ наконецъ расперзанный врагомъ ,
И Рокъ, единый Богъ , въ котораго пы вѣ-
рилъ,
Изъ жалости сажень земли тебѣ опмѣрилъ
Между могилой и вѣнцомъ.

О, еслибъ я постигъ глубокія мечпанья ,
 Ужасные плоды того воспоминанья ,
 Которое тебя покинуть не могло ! . . .
 На доблестную грудь бездѣйственныхъ руки
 Ты складывалъ крестомъ и тяжостныя муки
 Мрачили грозное чело !

Какъ пастырь на берегу рѣки уединенной ,
 Завидя плѣнь свою въ волнѣ одушевленной ,
 Слѣдилъ ее вблизи и въ нѣдрахъ глубины ;
 Такъ почто на скаль, печальный и угрюмой ,
 Ты гордо вызывалъ поржеспвенною думой
 Дни величавой сшарины ;

И, радуя швон внимательные взоры
 Въ роскошной красотѣ текли они какъ горы,
 И слухъ швой ушѣшалъ ихъ ропотъ въковой,
 И каждая волна, блеснящую карпину

Раскинувъ предъ шобой, скрывалася въ пучину,
И пы лепылъ за ней душой.

Вопъ здѣсь, пы на моспу въ огнь, передъ
громами ;

Тамъ, степи замепалъ враждебными чалмами ;

Тамъ, спонепъ Иорданъ, узрѣвъ пепбѣ въ вол-
нахъ ;

Тамъ, горы подавилъ спопой неодолимой ;

Тамъ, скипетръ обмѣнилъ пвой мечъ непобѣ-
димой ;

А здѣсь. . . Но что за чудный спрахъ ?

Зачѣмъ пы отврапилъ испуганныя очи ?

Блѣдно пвое чело ! . . . Скажи, во мракъ но-
чи ,

Что бурная волна къ спопамъ пвоимъ не-
сепъ ? . .

Не пляжкой ли войны печальныя картины ;

Не кровью ли враговъ обмытыя долины !

Но слава , слава все сопреетъ !

Загладитъ всё она , всё, кромѣ пресупленья ;

Но перспѣ ея, но перспѣ. . онъ кажетъ жерпѣ

— в у мщенья —

Трупъ юноши въ крови ! . . И мутная волна

Несла его , несла , и снова возвращалась ,

И, будто судія , къ убійцѣ обращалась

Съ ужасной повѣстью она ! . .

А онъ , какъ заклеимень печашью громовою ,

Онъ быспро закрывалъ чело свое рукою ;

Но кровь изъ подъ руки прозрачно и свѣтло

Являлась и щекла спруей неукропимой ;

Багровое пышно , какъ царской діадимой ,

Вынчало блѣдное чело.

И вопль, пирань, и вопль, за это въроломство
 Возстанеть на тебя правдивое попомство !
 Кроваваго пятна ничто не испребишь !
 Ты выше и славнѣй соперника Помпея;
 Но кто , скажи мнѣ , кто — и Марія злодѣя
 Въ тебѣ невольно не узришь ? . .

И умеръ наконецъ ты смертію народной ,
 Уснулъ , какъ селянинъ , на пажити без-
 плодной,
 Безъ плахи за пруды , съ припупленной ко-
 сой !

Мечемъ вооружась , какъ будто для осады
 У Вышняго просить суда или награды
 Явился ты съ пвоей рукой.

Въ послѣдніе часы , болѣзнью изнуренный,
 Одинъ , съ своимъ умомъ , предъ пайной со-
 кровенной,

Казалось , онъ искалъ чего-то въ небесахъ ;
 Невняпно лепешалъ языкъ его суровый ,
 Хопыль произнесли невѣдомое слово ;
 Но замеръ голось на успахъ ! . .

Окончи.... эшо Богъ, Владыка тмы и славы,
 Царь жизни и смертей ! . . Онъ силу и дер-
 жави
 Вручаешъ и назадъ поржеспвенно беретъ ! . .
 Отвъпсствуй.... Онъ одинъ пойметъ непоспи-
 жимыхъ ;
 Онъ судишъ и казнишъ царей несправедли-
 выхъ ;
 Ему рабы даюшъ опчешъ.

Но гробъ его закрышъ ! . Онъ шамъ уже . . .
 Молчанье !
 Предъ Богомъ на вѣсахъ добро и злодѣянье ! . .

Онъ памь ! . . Съ лица земли исчезъ великій
мужъ !

О Боже, ꙗко постигъ пупи пвоихъ вельній?
Что значишь человекъ? Увы, быть можетъ,
геній

Есть добродѣтель падшихъ душъ ! . .



ДЕМОНЪ ВДОХНОВЕНІЯ.

Такъ , это онъ знакомецъ чудный
Моей поскующей души ,
Мой добрый гостъ въ толпѣ безлюдной
И въ усыпительной глуши !
Недаромъ сердце угнетала
Непоспижимая печаль ,
Оно рвалось , лепѣло вдаль ,
Оно желаннаго искало .
И вошь , какъ тихій сонъ могилъ ,
Лобзаясь съ хладными креслами ,

Онъ благошворно освѣнилъ
 Меня волшебными крылами ,
 И съ нихъ обильными спруями
 Сбѣжала въ грудь мнѣ крѣпость силъ ,
 И онъ безплошными усами
 Къ моимъ безчувственнымъ приникъ ,
 И собственнымъ вдохновеньемъ
 Душа зажглася съ испушленьемъ ,
 И проглаголаъ мой языкъ :
 Гдѣ я , гдѣ я ? какихъ условій
 Я былъ торжественнымъ рабомъ ?
 Надъ Аполлоновымъ жрецомъ
 Летающъ демонъ празднословій !
 Я вижу — злая клевета
 Шипитъ , въ пыли змѣинымъ жаломъ ,
 И злая глупость , машъ вреда ,
 Грозитъ мнѣ издали кинжаломъ .
 Я вижу , будто-бы во снѣ ,
 Фигуры , тѣни , лица , маски
 Темны , прозрачны и безъ краски ,

Густою цѣпью по спѣнь ,
 Онѣ мелькаютъ въ видѣ пляски . . .
 Ни па , ни шакпы , ни шаговъ
 У очарованныхъ духовъ . . . :
 То нишко легкой и пропѣжной ,
 Подобно понкимъ облакамъ ,
 То массой черной, спо—эпажной
 Плывуть какъ волны по волнамъ ,
 Какое чудо ! что за видъ
 Фантасмагоріи волшебной !
 Всѣ тѣни гимнъ поютъ волшебный ;
 Я слышу , спрашивъ хоръ гласитъ :
 »О Ариманъ ! о грозный царь
 Тѣнѣй , забытыхъ Оризмадомъ !
 Къ тебѣ взываетъ цѣлымъ адомъ
 Твоя прѣпещущая пварь ! . . .
 Мы не спрашимся пляжкой муки :
 Давно , давно привыкли къ ней . . .
 Въ часы твоей угрюмой скуки ,
 Подъ звукомъ плясочныхъ цѣпей ,

Съ печальнымъ мѣсячнымъ восходомъ
 Къ тебѣ мы мрачнымъ хороводомъ ,
 Спѣшимъ, возставши изъ гробовъ,
 На крыльяхъ филиновъ и совѣ !
 Сыны родинельскихъ проклятій,
 Надежду живѣ погубя ,
 Мы ненавидимъ и себя ,
 И злыхъ и добрыхъ нашихъ братій ! .
 Когтями острыми мы рвемъ
 Ихъ изнуренные соспавы ;
 Спрадая сами — зло за зломъ ,
 Изобрѣшаемъ мы , царь славы ,
 Для спрашной демонской забавы ,
 Для наслажденья твоего ! . . .
 Возри на насъ кровавымъ окомъ:
 Есць пиръ любимый для него , —
 И въ утѣшеніи жестокомъ ,
 Сквозь мракъ геенны и огни ,
 Уста улыбкой проясни !
 О Ариманъ ! о грозный Царь

Тѣней, забытыхъ Оризмадомъ!
 Къ тебѣ взываемъ цѣлымъ адомъ
 Твоя препещущая тварь! . . .

И вдругъ и прескъ,
 И громъ, и блескъ —
 И Ариманъ,
 Какъ ураганъ,
 Въ тройной коронѣ
 Изъ черныхъ змѣй,
 Предспалъ на пронѣ
 Среди тѣней!
 Умокли споны,
 И миллионы
 Волшебныхъ лицъ
 Поверглись ницъ! . . .

»Рабы мои, рабы мои,
 Отступники небеснаго свѣтила!
 Надъ вами власнѣ моей руки
 Отъ вѣчности до нынѣ опочила,
 И непреложенъ мой законъ! . . .

Наспанеть день неопразимой злобы —
 Пожрутъ, пожрутъ неисповые гробы —
 И солнце, и луну, и гордый небосклонъ:
 Всѣ грозно даъ заплашишь разрушенью, —
 И на развалинахъ міровъ
 Узрите вы опять, по пайному вельню,
 Во мнѣ Власпишеля спрадающихъ духовъ! «

И вновь и прескъ ,
 И громъ, и блескъ —
 И Ариманъ ,
 Какъ ураганъ ,
 Въ тройной коронѣ
 Изъ черныхъ змѣй,
 Исчезъ на пронѣ .

Среди тѣней ! . . .

Все тихо ! . . . Спрашныя видѣнья ,
 Какъ вихрь умчались по снѣгъ ,
 И я , какъ будто въ пляжкомъ снѣ ,
 Опять съ своей тоской сажу наединѣ !
 За чѣмъ ты улетишь, о Демонъ вдохно-
 венъ ! . . .

ЦЫГАНКА.

А

Кто идетъ передъ толпою
На широкой площади ,
Съ загорѣлой красотою
На щекахъ и на груди ?
Подъ разодраннымъ покровомъ
Проницательна , черна —
Кто въ величїи суровомъ
Эта дивная жена ?
Бьются локоны небрежно
По нагимъ ея плечамъ ,
Искры наглости мятежно
Разбѣжались по очамъ ,
И спрашивъй ударовъ съчи ,
Какъ гремячая рѣка —
Льются сладостныя рѣчи
У безстыдной съ языка.
Узнаю тебя , Вакханка ,
Незабвенной старины ,

Ты коварная цыганка ,
 Дочь свободы и весны.
 Подъ узлами бѣдной шали
 Ты не скроешь опть меня
 Ненавистницу печали ,
 Друга радостнаго дня.
 Ты знакома вдохновенью
 Поэтической мечпы ,
 Ты дарила наслажденью
 Африканскіе цвѣпы.
 Ахъ , я помню , но ужасно
 Вспоминаю лукавый сонъ ,
 Фараонка , не напрасно
 Тягопишь мнѣ душу онъ !
 Пронеслась съ годами сила ,
 Я увялъ , и на яву
 Мнѣ рука швоя вручила
 Приворощную праву.



РАСКАЯНІЕ.

Я согрѣшилъ пропавъ разсудка ,
Его на мигъ я разлюбилъ :
Тебѣ , степная незабудка ,
Его я съ честью подарилъ !

Я промѣнялъ святую совѣсть
 На мщеніе буйнаго глупца ,
 И опврапичельная повѣсть
 Гласить безуміе пѣвца .
 Я согрѣшилъ пропивъ условій
 Души и славы молодой ,
 Который демонъ празднословій
 Теперь освищенъ съ клеветой !
 Книжалъ коварный сожалѣнья
 Припворной дружбы и любви
 Теперь поповещъ безъ сомнѣнья ;
 Въ моей бунтующей крови ;
 Толпа знакомцевъ вѣроломныхъ ,
 Ихъ шумный смѣхъ, и спрогій взоръ
 Мужей значительно безмолвныхъ ,
 И ропотъ дѣвъ неблагоклонныхъ —
 Все мнѣ и казнь и приговоръ !
 Какъ чадъ неистовый похмѣля
 Ты оплелъ наконѣцъ ,
 Минута злобнаго веселья !

Проснись задумчивый пѣвецъ !
 Гдѣ гармоническая лира ,
 Гдѣ Барда юнаго вѣнокъ ?
 Ужель повергнуль ихъ порокъ
 Къ спопамъ ничтожнаго кумира ?
 Ужель бездушный идеаль
 Неопразимаго разврата
 Тебя , какъ жертву Казамапа ,
 Рукой поносною оковаль !
 О вѣсть ! свершилось ! . . жаръ мяпежной
 Оспылъ на пасмурномъ челѣ :
 Какъ сынъ земли , я дань землѣ
 Принесъ чредою неизбежной ;
 Узналъ безславіе , позоръ
 Подъ маской дикаго невѣжды ;
 Но предъ лицомъ Кавказскихъ горъ
 Я рву нечислныя одежды !
 Подобный гордостью горамъ ,
 Замышленнымъ въ безднахъ и лазури ,
 Я воспарю , какъ Фиміамъ ,

Съ цвѣтовъ пустынныхъ къ небесамъ ,
И передамъ моимъ спрунамъ
И ревъ , и вой минувшей бури.



ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

(Изъ Виктора Гюго.)

Въ водахъ полусонныхъ играла луна.
Гаремъ освѣжило дыханье свободы ;
На ясное небо, на свѣплыя воды
Сулпанша въ раздумьѣ глядитъ изъ окна.
Внезапно гипара въ рукѣ замерла ,
Какъ будто просяжный и жалобный ропотъ
Раздался надъ моремъ ! Не конскій ли
попотъ ,
Не шумъ ли глухой удалаго весла ? . . .
Не птица ли ночи , широкимъ крыломъ

Разсыкла зыбучей волны половину ?
 Не духъ ли лукавый морскую пучину
 Тревожитъ , безсонный , въ покоѣ nocturno?...
 Кто нагло смѣется надъ робостью жёнъ ?
 Кто море волнуесть ? ... Не демонъ лукавой,
 Не тяжкія весла лодьи величавой ,
 Не птица ночная ! . . . Откуда же онъ ,
 Откуда пропѣжный и жалобный спонъ ?
 Вошь грозный мѣшокъ ! . . . голубая волна
 Въ немъ члены живые и попиетъ , и носитъ ,
 И будто пощады у варваровъ проситъ . . .
 Въ водахъ полусонныхъ играда луна.



СОНЪ ДѢВУШКИ.

Чего не видишь во снѣ 13 лѣт-
няя дѣвушка?

Скучно двушкѣ съ спарушкой
Длинной вечеръ просидѣть на единѣ ,
Скучно съ глупою болтушкой
Пѣсни пыть о незабвенной спаринѣ.
Спишся бѣдной за рассказомъ
О какомъ шо колдунѣ ,
И надѣ слухомъ , и надѣ глазомъ
Сонъ зацарствовалъ вполнѣ.
Вопшъ уснула — и видѣня ,
Подъ Морфеевымъ крыломъ ,

Разнесли благопворенья
 Надъ пылающимъ челомъ.
 Видишь дѣва сонъ мѣлечный ,
 Плодъ помышленныхъ годовъ ,
 Тайный опзываетъ думы нѣжной :
 Трехъ красивыхъ жениховъ.
 Юны , пламенны и спраспны
 Къ ней приблизились они ,
 Просящъ прое у прекрасной
 Ласки дѣвственной любви !
 Пышетъ пламень сладоспращья
 Въ соблазнительныхъ очахъ ,
 Ропотъ нѣги , ропотъ счастья
 Замираетъ на ухахъ.
 Бьется сердце у Нанины ,
 Труденъ выборъ для души ,
 Женихи , какъ при карпины ,
 Милостивы , хороши
 Наконецъ , невольной силой
 Къ одному привлечена ,

Говоришь она : »мой милой ,
 Я тебя обречена ! «
 Поцѣлуй любви трепещень
 На счастливицѣ молодомъ ,
 Вдругъ спруисный пламень блещень ,
 Загремѣлъ подземный громъ ,
 Все исчезло . . . засверкало
 Чпо-по яркое въ углу ,
 Зашумѣло , зажужжало ,
 И , какъ будпо на яву ,
 Передъ ней козелъ рогатый ,
 Спарецъ съ книгою въ рукахъ ,
 И пѣтухъ большой , мохнатый ,
 Въ красно , бурыхъ завиткахъ
 Обмерла моя Нанина ,
 Нѣтъ защитника ни гдѣ . . .
 »Пресвятая ! Магдалина ,
 »Не оставь меня въ бѣдѣ ! . . .

 Снова молнія сверкнула ,

Призракъ пагубный исчезъ ,
 Дѣва — ахъ ! открыла очи ,
 Вкругъ постели пишина ;
 Лишь надъ ней во мракъ ночи ,
 Какъ шуманная луна ,
 Шепчетъ бабушка съдая ,
 Чпо-то съ книгой и крестомъ :
 »Пробудись , моя родная ,
 Ты въ волненіи живомъ :
 Соблазнилъ тебя лукавый
 Окаянною мечшой. . . .
 Призови разсудокъ здравый ,
 Въ помощь съ вѣрою святой ;
 Мнѣ самой мечпались прежде
 И козлы и пѣпухи ,
 Но не бойся — вѣрь надеждѣ
 Намъ они не женихи. «



АХАЛУКЪ.

Ахалукъ мой , Ахалукъ ,
Ахалукъ демикопонной ,
Ты работа нѣжныхъ рукъ
Азіатки благосклонной.
Ты родился подѣ иглой
Опагинки чернобровой ,
Послѣ робости суровой
И любви во пѣмѣ ночной.
Ты не пышной пестропою ,
Цвѣтомъ гордыхъ Узденей ,
Но смиренной простопою —
Цвѣтомъ стѣрныхъ ночей ,
Милъ для сердца и очей....
Черень ты , какъ локоя длинной
У цыганки кочевой ,
Мраченъ ты , какъ духъ пустынной

Спорожь урны гробовой.
 И себребряной песьмою ,
 Какъ волнистою спруею
 Дагеспанскаго ручья ,
 Обвились пвой края.
 Никогда игра алмаза
 У Могола на чалмъ , —
 Никогда луна во тьмъ ,
 Ни чело пвое , о База ,
 Это блѣдное чело ,
 Это чистое спекло ,
 Споря въ живоспи съ опаломъ
 Подъ ревнивымъ покрываломъ ,
 Не сіяли пакъ свѣпло!
 Ахъ, серебряная змѣйка ,
 Ненаглядная спруа —
 Это ты, моя злодѣйка ,
 Ахалукъ суровый : я!

ПРИЗВАНІЕ.

Въ душѣ горитъ огонь любви ,
Я жажду наслажденья ,
О милой мой, лови , лови
Мимупу заблужденья !
Явись ко мнѣ , явись какъ духъ
Нежданой , безпощадной ,
Пока помился , носить духъ
Въ надеждѣ безошрадной ,
Пока играетъ на чель
Румянецъ прихотливой ,

И вижу я въ шуманной мглѣ

Звѣзду любви счастливой !

Я жду тебя , — я вся твоя ,

Покрой меня лобзаньемъ ,

И полно жить , — и тихо я

Сольюсь съ твоимъ дыханьемъ !

Въ душѣ горитъ огонь любви ,

Я жажду наслажденья ,

О милой мой , лови , лови

Минуту заблужденья !



СТЕПЬ.

Свѣтлый мѣсяцъ изъ за тучъ
Бросилъ тихо ясный лучъ
По степи безводной ;

Какъ янтарная слеза
Блещетъ влажная роса
На травѣ холодной.

Время , дѣвица — душа ,
 Изъ подъ сѣни шалаша
 Пролети украдкой ;

Улови , прелестный другъ ,
 Опть зависпчивыхъ подругъ
 Мигъ любви крапкой !

Не звенилъ-ли за холмомъ
 Милый голосъ ?

Не сверкнулъ-ли надъ плечемъ
 Черный волосъ ?

Не знакомое-ли мнѣ
 Покрывало

Въ благосклонной пишинѣ

Промелькало ?

Сердце вѣщее дрожитъ ,

Дѣва юная спѣшитъ

Къ тайному приюту.

Скройся мѣсяцъ золотой

Надъ счастливою чешой ,

Скройся на мину !

Мигъ волшебный пролетѣлъ

Какъ видѣнье ,

И осталось мнѣ въ удѣлѣ

Сожалѣнье !

Скороль , дѣвица — краса ,
Опъ желанья

Пошениѣютъ небеса
Для свиданья ?



OKHO.

Тамъ, надъ быспрою рѣкой,
Есть волшебное окно ,
Былоснѣжною рукой
Открывается оно.

Груди полны дрожатъ
Изъ подъ тѣни полотна ,
Очи свѣшлыя блестятъ
Изъ волшебнаго окна.

.
.

И склонясь на локошокъ
Подъ весенній вечерокъ,
Миловидна , хороша
Смоприть дѣвица — душа.

Улыбнется—и природа разцвѣтешъ,
И пріятный соловей въ саду поешъ ,

И надъ ручкою лилею
Вьспя въперъ пиховѣю ,
И порхаешъ,
И лепашъ.

Съ сладоснрастною мечтой
Надъ дѣвицей молодой.

Но лишь только опускаетъ разкрасавица
 окно ,
 Все надъ Терекомъ суровымъ и мертво, и хо-
 лодно.

Улыбнись душа — дѣвица ,
 Улыбнись , моя любовь ,
 И вечерняя зарница
 Освѣпитъ природу вновь !
 Нѣтъ ! жеспокая не слышетъ
 Робкой жалобы моей ,
 И въ груди ея не пышетъ
 Пламень нѣги и спросней !

Будетъ время , равнодушная краса ,
 Разнесетъ опъ печали свѣтлорусая коса !

Сердце пылкое , живое
 Загруститъ во пѣмъ ночной ,

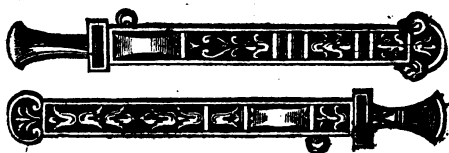
И спрѣданіе чужое
Ознакомится съ тобой,
И откроешь ты ревниво
Потопленное окно,
Но любви неперпѣливой.
Не дождепся ужъ оно.



ПѢСНЬ.
ГОРСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

Зашумѣлъ Орелъ двуглавый
Надъ враждебною рѣкой ,
Прояснѣлся пущь кровавый
Передъ дружною шолпой.
Ты заржавѣлъ мечъ булатной ,
Отъ бездѣйственной руки ,
Заждались вы славы рапной
Троегранные шпыки .
Завизжишь свинець летучій
Надъ беспрашной головой ,

И нагрянесть черной тучей
 На врага зловѣщій бой.
 Разорветъ ряды злодѣя
 Смертоносный ураганъ,
 И исчезнетъ цѣпенья
 Ненавидимый Музульманъ..
 Разпадутся съ ярымъ прескомъ
 Непрístupныя скалы,
 И зажжется новымъ блескомъ
 Грозный день Гебекъ Калы. 1.



ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ПОСЛАНИЯ КЪ А. П. Л....У.

И нѣтъ ихъ , нѣтъ ! промчались годы
Душевныхъ бурь и мятежей ,
И я далекъ отъ рубежей
Войны , разбоя и свободы . . .
И я , безъ грусти и тоски ,
Покинулъ бранныя саницы ,
Гдѣ въ вѣчной праздности дѣвицы ,
Гдѣ въ вѣчномъ дѣлѣ казаки ;
Гдѣ Молоканки очень спроги
Для цѣломудренныхъ цевѣспѣ ,

Гдѣ днемъ и спража и разъѣздъ ,
 А ночью шумныя тревоги ;
 Гдѣ бородатый богатырь ,
 Всегда готовый на сраженіе ,
 Мѣняетъ важно на чихирь
 Въ горахъ опьяненное имѣнье ;
 Гдѣ беззаботливый старикъ
 Всегда молчитъ благоприсойно ,
 Лишь только сварливый языкъ
 Не возмущалъ семьи покойной ;
 Гдѣ день и ночь сѣдая мать
 Готова дочери спыдливой
 Седьмую заповѣдь чипать ;
 Гдѣ дочь внимаетъ терпѣливо
 Совѣщанью древности болтливой ,
 И между тѣмъ , въ принадлежность лѣтъ ,
 Въ глазахъ святоши боязливой ,
 Полнѣе шепчетъ себя бешметъ ;

 Гдѣ безукорная жена

Глядишь, скосясь на изувѣра, 2

Гдѣ мужъ, отъ сабли и сѣдла

Бѣжавъ, какъ пѣнь, въ покоѣ крапкомъ,

Подъ кровомъ мирнаго угла,

Себѣ растишь въ забвеніи сладкомъ

Красу оленьго чела ;

Гдѣ все живетъ однимъ развратомъ ; 3

Гдѣ за червонецъ можно быть

Женѣ сестрой, а мужу братомъ ;

Гдѣ можно рѣзать и душишь

Проезжихъ съ солнечнымъ закапомъ ;

Гдѣ ядъ, кинжалъ, свинецъ и мечъ

Всегда смѣняюся пожаромъ ,

И голова капится съ плечъ

Подъ неожиданнымъ ударомъ ;

Гдѣ наконецъ Кази Мулла ,

Свирѣпый воинъ Исламизма ,

Въ когтяхъ полночнаго Ора

Разтерзанъ съ гидрой Фанашизма;
 И палъ коварной Бей — Булашъ, а
 И кровью злобы и раздора
 Запечатлѣвъ дѣла позора
 Опиважный русской Ренегашъ 5
 И все упихло: спонъ прокляпій,
 Громовъ побѣдныхъ поржеспво —
 И сѣю мира божеспво
 На трупяхъ недруговъ и брашій. . .
 Таковъ сей край , ошъ древнихъ лыпъ,
 Свидѣтель казни Прометей,
 Войны Лукулла, и Помпея,
 И Тамерлановыхъ побѣдъ.



ИВАНЪ ВЕЛИКІИ.

Опять она , опять Москва !
Рыщетъ зыбкій паръ тумана ,
И засіяли голова
И крестъ Великаго Ивана !
Вотъ онъ , огромный Бріарей ,
Опважно спорящій съ громами ,
Но другъ народа и Царей ,
Съ своими сипа колоколами !

Его набатъ и тихій звонъ
 Всегда пріятны папріоту ;
 Не въ первый разъ, спасая Тронъ ,
 Онъ влекъ злодѣя къ эшафоту !
 И васъ, Реншильдъ и Шлиппенбахъ ,
 Вспирьчала привѣсть его громовой ,
 Когда , съ улыбкой на устахъ ,
 Влечились гордо вы въ цѣпяхъ .
 За колесницею Петровой !
 Дѣла высокія Славянъ ,
 Прекрасный вѣкъ Семирамиды ,
 Герои Альповъ и Тавриды ,
 Онъ былъ вашъ вѣрный Осіянь ,
 Звучный , тѣмъ Игоревъ Баянь !
 И онъ , супругъ швейцарской Жозефина ,
 Желѣзный волей и рукой .
 На вѣковаго исполина
 Взиралъ съ невольною досадой !
 Москва подъ игомъ супосапа ,
 И ночь , и бунтъ , и кремль въ огнѣ—

Не рѣдко новаго Сармапа
 Смущали въ грустной пишинѣ.
 Еще свободы ярой клики
 Таила руская земля ;
 Но грозенъ былъ Иванъ Великій
 Среди безмолвнаго Кремля ;
 И Святослава мечъ кровавой
 Сверкнулъ надъ буйной головой ,
 И избалованная славой ,
 Она склонилась величаво
 Передъ торжественной судьбой ! . .
 Возспали царства ; пламень брани
 Подъ небомъ Африки угасъ ,
 И звучно , звучно съ плескомъ дланей
 Слился Ивана шумный гласъ ! . .
 И гдѣжь , когда въ скрижалѣ опчизны
 Не вписанъ доблестный Иванъ ?
 Всегда , вездѣ безъ укоризны
 Онъ русской правды Алкоранъ ! . .
 Люблю его въ войнѣ и мирѣ ,

Люблю въ обычной простотѣ ,
 И въ пышной пламенной порфирѣ ,
 Во всей волшебной красотѣ ,
 Когда во дни воспоминаній
 Событій древнихъ и живыхъ
 Среди щиповъ, огней , блистаній
 Горитъ онъ въ радугахъ цвѣтныхъ ! . .
 Томясь желаньемъ ненасытнымъ
 Заняться важно суетой ,
 Люблю въ раздумьѣ любопытномъ
 Взойти съ народною толпой
 Подъ самый куполъ золотой ,
 И видѣть съ жалостью ошшуда ,
 Что эша гордая Москва ,
 Которой добрая молва
 Всегда дарила имя чуда ,
 Песку и камней только груда.
 Безъ словъ коварныхъ и пустыхъ
 Могу прибавить я , что лица ,
 Которыхъ болѣе другихъ

Ласкаетъ мапушка сполица ,
 Оппуда видны безъ очковъ,
 Повъръше мнѣ , какъ вереница
 Обыкновенныхъ каплуновъ....
 А сколько мыслей , замѣчаній ,
 Философическихъ идей ,
 Филантропическихъ мечпані
 И романическихъ заптій,
 Всегда на щепъ другихъ людей ,
 На умъ приходящъ въ это время
 Какое сладостное бремя
 Лежишь на сердцѣ и душѣ !
 Ахъ ! это счастье безъ обмана
 Оно лишь жипеля Монблана
 Лелѣешь въ вольномъ шалашѣ !
 Одинъ креспьянинъ полу-дикой
 Недаромъ молвилъ во слезахъ :
 Великъ Господь на небесахъ ,
 Великъ въ Москвѣ Иванъ Великій ! . . .
 И такъ , хвала тебѣ , хвала ,

Живи, цвѣти Иванъ кремлевскій,
И, утѣшая слухъ Московскій,
Гуди во всѣ колокола!...

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИМѢЧАНІЯ.

Пѣснь Горскаго ополченія.

1.) Гебекъ-Кала или святая гора, хребетъ Салашовскихъ горъ, гдѣ Генераль Лейтенантъ Вельяминовъ, послѣ упорнаго сраженія, разбилъ наголову Кази Муллу, котораго безъ пуфелей, трубки и бурки бѣжалъ съ поля сраженія, и едва не былъ захваченъ въ плѣнъ, съ своею любовницею, Армянкою изъ города Кизляра.

Отрывокъ изъ Посланія.

2.) Почетное шипло, которымъ величаютъ иногда закоренѣлыя старообрядки русскихъ воиновъ.

3.) Частыя необходимыя сношенія Казаковъ съ Горцами служатъ невольною причиною безпорядковъ, происходящихъ иногда въ спаницахъ. Кому неизвѣстны хищныя, неукротимыя нравы Чеченцовъ? Кто не знаетъ, что миролюбивѣйшія мѣры, принимаемыя Русскимъ Правительствомъ, для смирненія буйства сихъ мышечниковъ, никогда не имѣли

полнаго успѣха; закоренѣлые въ правилахъ разбоя они всегда одинаковы. Близкая, неминуемая опасность успокоиваетъ ихъ на время, послѣ опянь поже въ-роломснво, поже убійснво въ нѣдрахъ своихъ благодѣтелей. Черты безнравственности, приведенныя въ семъ опривкѣ, опносяпся собственно къ этому жалкому народу.

4.) Бей-Булапъ важное лицо въ Исторіи горскихъ революцій.

5.) Каплуновъ, бѣглой Руской солдатъ, прославившій себя въ горахъ разбоемъ и непримиримою ненавистью къ соотечественникамъ.



О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Читай:

СТРАН. СТРОК.

| | | |
|----|---|---|
| 38 | 8 | Спенелломъ |
| 55 | 1 | И пѣнь его одинъ вни- маешь гуль превозжнй |

| |
|--|
| Спенелломъ |
| И слышишь пѣнь его одинъ лишь гуль превожный |

24 VI 1932

ИИ

ИВ

ИЗ

ИД

ИЕ

ИЖ

ИУ

ИФ

ИХ

ИЦ

ИЧ

ИШ

195

yd. 1/3



3186262346